



## Эфраим Рохлин (1886 – 1964)

9 января 1906 г.

Из воспоминаний. Рукопись<sup>1</sup>.

Это было 9-го января 1906 г. рано утром в день годовщины кровавого воскресенья, в Белоруссии, гор. Гомель. Мы с товарищем стояли в пикете – не допускать открытия магазинов. Следили за этим у подворотни одного дома, поблизости от Миллионной площади. Обыкновенно в таких случаях «за порядком» наблюдали городовые во главе с надзирателем. На сей раз мы заметили группу казаков и драгун – военный патруль. По-видимому, обратили на нас внимание – раздались команды: «Эй, «жидки», подходите, а то стрелять будем». Убедившись, что силы «неравные», мой товарищ успел крикнуть мне: давай на утек, а я как-то замешкался. Другого выхода не было, как послушаться, и я подошел. Ничего страшного я себе не представлял, так как ничего компрометирующего при мне, а также дома не было. Я предполагал, так как неоднократно подвергался таким «испытаниям» при сходках, собраниях 1-го мая и т.д. кончалось тем, что продержали день-два и делу конец. Однако на сей раз это приняло другой оборот. Меня привели не в полицейский участок, а во двор жандармского управления. Тут же во дворе произвели тщательный обыск – нашли 1 рубль с копейками, перочинный ножичек и дудочку (свирель) из целлюлозы, на которой я довольно «виртуозно» играл и иногда использовал как сигнал. По просьбе конвоиров я сыграл им «Камаринскую» и они пустились даже в пляс. Я был более чем уверен, что меня скоро отпустят. Но не тут-то было.

Меня ввели в одно просторное помещение, где на скамьях разместился отряд вооруженных казаков и драгун. Не успел я опомниться, как со всех сторон набросилась вся эта ватага и стали меня «обхаживать» со всех сторон. Винтовками, руками, ногами с подкованными

---

<sup>1</sup> Стиль и орфография оставлены без изменения. Неразборчивые места обозначены [...]. [Марк Рыбак]

сапожищами, не целясь – куда попало: в живот, спину, плечи, руки, ноги, особенно в зубы, почему-то голову по «недосмотру» пощадил. Одет я был в теплой поддевке на козьем меху с воротником и в меховой папаше, нахлобученной на голову, что в известной степени ослабило силу удара. Само собою разумеется, что от такой «увеселительной» прогулки по моим телесам, то помимо раздробленных частей тела и выбитых без «инъекции», как потом оказалось, 12 зубов, [...] верхние и нижние покровы тела моего, [...] такой «физкультурной тренировки» я был весь взлохмачен [...] тот репрезентабельный вид. Однако, несмотря на такое столь «нежное» и «гуманное» обращение со мною я оставался все время при полном сознании. Объяснялось это вероятно тем, что голова оставалась вне экзекуции. Предчувствие у меня было, что если останусь живым и этим кончится, то во всяком случае останусь на всю жизнь физическим калекой. Смерть во всяком случае мне казалась в то время более заманчивой. Я даже обратился к своим истязателям с просьбой кончать со мною насовсем. В ответ на это один драгун взял меня за избитые плечи, другой за ноги и под неистовый хохот начали раскачивать мое тело-тряпку вверх с опусканием вниз не так, как ящик с ценным хрустальной посуды содержимым, где написано: осторожно стекло... и со всего маху и так в несколько приемов, пока [...] открыли какие-то потаенные дверцы и броськом вышвырнули мое «бренное тело» за дверь в темнушку. В первый момент, поскольку я мог тогда еще сколько ни будь соображать, мне казалось, что я очутился на мягком ковре или пуховой перине. Только непрерывные глубокие человеческие стоны меня убедили, что лежу не на перине или ковре, а на избитых, издерганных человеческих телах.

Человек, над которым я, не по своей воле, так удобно и мягко «расположился» оказался мой хороший товарищ Перцовский – их было 3 брата, а этот старший. Как потом выяснилось, он также, как я и другие, попали в эти «злачные места» при тех же обстоятельствах с последующим таким же «добро пожаловать» и соответственным «угощением»... Всего за это утро [...] «апартамента» накопилось 38 человек - [...] тел в тесноте друг на друге в 2 этажа, при невыносимых болях и мучениях. Так мы лежали неподвижно, так как малейшее движение одного мучительно отзывалось на ближайших соседях с верхнего и нижнего «этажей». В таком виде мы оставались на полу до 12 часов дня. Затем открывается вдруг дверь темницы и появляются двое городовых. В их сопровождении 2 женщины уборщицы с ведрами горячей и холодной воды и перевязочным материалом, а также молоко и булочки разные съедобные. Нас весьма

удивило такое внимание к нашим «особам». Особенно нас поразило исключительное отношение к нам со стороны городских - они просто раболепно извинялись перед нами, заявляя, что они ничем не повинны, а это дело рук жандармерии и военных властей. Но это не было проявлением сердечности, добродушия, гуманности, а просто трусость и боязнь возмездия. В то время были частые случаи террористических актов против гражданской администрации и полиции. Одним словом нас всех стогом обмыли, перевязали, накормили и уложили на нарах, убеждая, что скоро нас отпустят. Надо сказать, что мы себя почувствовали несколько облегченно, но все таки такое беспощадное избиение дало себя знать весьма мучительно и болезненно, ни двигаться, ни поворачиваться.

Я был весь опухший. Особенности страдания мне причиняли зубы – некоторые передние зубы были обломаны до корней, а жевательные, большей частью нижние, висели шатающиеся в своих луночках. В 6 ч. вечера к нам врываются 2 пьяных казака, поднимаются на нары с целью поглумиться над нами, заявляют, что им начальством поручено сосчитать сколько здесь «жидков». Считали они весьма оригинальным способом: ножищами в подкованных сапогах прохаживались по нашим телам, как на увеселительную прогулку – кому на ноги, кому на живот, кому на голову с причитанием: в эту ночь в 5 утра вас поведут в Белицкий лес (предместье Гомеля). Вот забава будет, как вы будете болтаться на деревьях! В течение всей ночи никто не сомкнул глаз в ожидании трагической участи. Должен сказать, что все были охвачены какой-то безучастностью, апатией, как будто не их судьба решается в эту ночь. Итак ждем... однако проходит 5, 6, 7 часов утра. В 8 ч. стали вызывать по 2 человека – куда, зачем – мы не знали. Да и обратно люди не вернулись. В том [...] нашей осталось только 8 из 38-ми, в том числе и я. Наконец и до меня и еще с одним тов. дошла очередь – вызывают. Шли в обнимку, еле ноги таща, через двор, взобрались на крутую лестницу, подгоняемые пинками жандармов. Ввели нас в просторную комнату. За столом заплывший жиром толстенный жандармский полковник башибузук, у ног его большущая собака. Предъявляет нам бумагу, в которой значится, что мы члены террористической организации, поставившей своей целью и т.д. и чтобы мы подписались под этим. Понятно, что мы категорически отказываемся подписать предъявленное нам обвинение. Тут же он жестом что-то указывает жандармам, и они взяли нас в оборот, превратив нас буквально в тряпки. Самое ужасное и омерзительное чувство вызывало у нас не побои, а что одновременно с нашим истязанием полуживых людей, начальник с засосом целует в морду собаку с изливанием самых нежных

чувств. Вот этот момент я запомнил на всю жизнь, как самое дикое проявление животного инстинкта человека-зверя.

Нас, конечно, на сей раз отвели обратно уже полумертвых на носилках. В таком состоянии мы пробыли до 12-ти часов ночи. В то время я работал в Гомеле у зубного врача Старобинского, отца известного Ленинградского профессора-стоматолога. Благодаря принятым мерам моего принципала, за отсутствием улик меня отпустили и он определил меня в гор. больницу, где я долгое время залечивал свои раны. В память обо всем этом у меня осталось и по сей день отсутствие зубов, которых я лишился в самые юные годы. Как потом выяснилось, все задержанные были выпущены, оставшиеся со мною 8 товарищей должны были быть отправлены этапным порядком по месту жительства как не жители гор. Гомеля. Меня же др Старобинский взял на свои поруки.